

Богатая Л.Н.

О СООТНЕСЕНИИ ПОСТМОДЕРНА И ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Можно выделить две особенности, характерные для современной культурной ситуации. *Первая* – очевидное доминирование *техногенной цивилизации*, генерирующей и тиражирующей в общественном сознании ограниченное количество достаточно упрощенных культурных форм, что *сдерживает*, в целом, общекультурное развитие. *Вторая* особенность связана с переживаемой современным миром эпохой глобальных подвижек или, если пользоваться терминологией Э. Ласло, – эпохой «макросдвига»: «проблемы и кризисы, войны и насилие, обрушившееся на нас, являются симптомами коренного цивилизационного сдвига – *макросдвига*» [4, с. 12]. Каждая подвижка, безусловно, сопровождается некоторыми трансформациями циркулирующих культурных форм, что приводит к увеличению их разнообразия в культуре. Две обозначенные особенности современной культурной ситуации формируют проблему исследования культурных механизмов, ответственных за *сдерживание* и *стимулирование* процессов культурного формообразования.

Целью данной публикации является рассмотрение *техногенной цивилизации* и *постмодерна* как двух общекультурных феноменов, содержащих в себе механизмы, ответственные за *сдерживание* и *стимулирование* развития общекультурных форм.

Стало традицией само рассматривать появление постмодерна как знамение надвигающегося кризиса. Философские искания французских постструктуралистов – Ж. Бодрийяра, Лакана, М. Фуко, Ж. Делеза, Р. Барта, Лиотара, Ж. Деррида, Ю. Кристевой и др. казались агонией на фоне глобальных разрушений классической системы ценностей. Одним из проявлений постмодернизма оказалось возвращение внимания к *симулякру* (от лат. *simulacrum* – изображение, подобие, видимость). Детально исследованный в работе Ж. Бодрийяра [2], концепт симулякра занял одно из ключевых мест в постмодернистских дискурсах. Если рассматривать самый расхожий смысл, соответствующий термину *симулякр*, то он связан с универсальной *имитацией* познания и бытия, всеобщей "*кажимостью*", за которой обнаруживается пустота.

По мнению Бодрийяра, *постмодернистскую эпоху* следует характеризовать как *тотальную симуляцию* практически во всех областях человеческого бытия. Согласно иной точке зрения, к примеру – Лиотара, *постмодернистская философия* представляет собой "*войну целому*". Соотнесение даже двух приведенных точек зрения кажется достаточно сложным. Сложны для восприятия и характерные продукты постмодерна: *пастии* (от итальянского *pasticcio* – опера, созданная из кусков других опер) или *коллаж*. Или, например, роман –цитата Жака Ривэ, представляющий собой сборник из 750 цитат (1979 г.). Первые ощущения, которые возникали от знакомства с этими культурными продуктами, передавались фразой: «Мир сошел с ума!». Однако сложность и непривычность не равнозначны бессмысленности, скорее, требуют перехода на новый уровень видения, позволяющий обнаружить закономерное и целесообразное, представленное в столь непривычных формах.

Иногда при осмыслении основных последствий постмодерна возникает вопрос: а не является ли это культурное явление своеобразной «интеллектуальной пробкой»? Ведь если действительно природы нет, науки нет, а есть только симулякры, проявленные в текстах, составленных из цитат всего того, что уже было, разве это не тупик (см. более подробно [1])?

Историческая перспектива практически в 50 лет дает возможность сформировать более спокойную и выверенную позицию по отношению к обозначенным феноменам.

Можно, в частности, выдвинуть и развивать предположение о том, что культурные проявления постмодерна есть обнаружение попыток человечества освоить новый, более высокий регистр мышления.

В контексте сказанного можно зафиксировать одну из основополагающих постмодернистских методологических идей следующим образом: *получение нового знания возможно не только в результате изучения существующих целостных форм, но путем создания форм новых, фиксирующих новые качественные проявления. Эти образования могут быть получены как результат рядоположения отдельных форм или их фрагментов.*

Этот тезис не кажется чем-то принципиально новым для истории человеческой культуры, его следы, в том или ином виде, можно обнаружить и в предыдущих культурных наслоениях (к примеру, в разнообразных культурных проявлениях эклектизма).

Возникновение постмодернистских форм, непрерывно изменяющихся, достраивающихся или, в других терминах – открытых, неравновесных, естественно предполагает существование специальных методов их анализа. Существуют ли намеки на эти методы в рамках постмодернистских текстов? Вопрос обсуждения постмодернистской методологии является чрезвычайно интересным и перспективным для дальнейшего изучения. В рамках же предлагаемого исследования можно зафиксировать следующий проблемный ракурс: *как соотносится друг с другом постмодерн и техногенная цивилизация* – два общекультурных феномена, *развивающиеся практически в одном пространстве –временном континууме культуры?*

Для обсуждения обозначенного проблемного ракурса можно выдвинуть следующий ряд гипотез:

1. К ключевыми категориям для соотнесения *постмодерна* и *техногенной цивилизации* как двух форм культурного проявления конца XX века можно отнести категории *смысла* и *формы* (как известно, исследование *смысла* оказалось одним из основных направлений философской рефлексии в XX веке).

2. Если характерной чертой проявления техногенной цивилизации является тиражирование ограниченного количества *типовых форм*, то постмодерн вводит *формотворчество* в ранг фундаментального принципа. Причем создающиеся формы принципиально неустойчивы, открыты возможному изменению.

3. Каждому культурному образованию, зафиксированному с помощью того или иного языка в какой-либо

форме, можно сопоставить в соответствие определенный набор культурных смыслов.

4. *Постмодерн и техногенная цивилизация*, рассматриваемые как общекультурные проявления, демонстрируют два различных способа генерирования новых смыслов, соответственно – *стимулирующий* и *сдерживающий*.

5. *Постмодерн и техногенная цивилизация* в своем *существовании* обеспечивают определенную культурную взаимодополняемость, что является гарантией стабильности, не позволяющей развиваться, с одной стороны, *лавинообразному потоку новых смыслов*, которые в своем количестве не могут быть быстро ассимилированы человечеством и, с другой стороны, *коллапсированию к черте смыслового дефицита*, пересечение которой может вести к глобальной деградации в результате резкого снижения смыслового разнообразия в культуре.

Выдвижению представленного ряда гипотез предшествовали размышления автора над природой *смысла*, отраженные в готовящейся к публикации монографии, а также знакомство с выводами двух французских математиков Р. Тома и М. Кауфмана, занимающихся изучением циклических процессов (эти выводы могут иметь мощный культурный резонанс).

Смысл как элементарный цикл

В 2003 году на русском языке под редакцией И. Пригожина вышел сборник докладов, представленных на семинаре Брюссельского свободного университета [5]. В статье французских математиков Рене Тома и Марселя Кауфмана «Возникновение сложного поведения из простых циклов» приводится следующая весьма интересная информация: «*Некоторое время назад стало ясно, что за немногими исключениями каждая клетка многоклеточного организма содержит все гены этого организма. Многочисленные клетки отличаются друг от друга не тем, «какие гены присутствуют» (они присутствуют все), но тем, «какие гены включены»*» [5, с. 82].

Наблюдаемое разнообразие клеток можно рассматривать как результат нахождения клетки в том или ином **стационарном состоянии**. Каждое из этих состояний отличается активированием определенного количества тех или иных генов.

Естественно, может возникнуть вопрос: каким образом живым системам, обладающим огромным разнообразием клеток, удается это разнообразие поддерживать? Ответ Тома и Кауфмана выглядит следующим образом: «Чтобы получить много стационарных состояний, необходимо иметь много положительных циклов» [5, с. 84]. Для понимания этого ответа необходимо вначале погрузиться в исследование способов толкования указанными авторами терминов *цикл*, *положительный* и *отрицательный циклы*, *полные циклы* (см. более подробно в [5]).

Тома и Кауфман поясняют различие в поведении двух типов циклов – *положительных* и *отрицательных* на основании формализации этих циклов в терминах дифференциальных уравнений.

Работа французских математиков обнаруживает неожиданные параллели с некоторыми размышлениями Ж. Делеза – одного из ведущих представителей постмодерна, предложившего рассматривать *смысл* в виде *своеобразного цикла*.

Цикличность смысла Ж. Делез рассматривает на основании представлений о цикличности предложения, о цикличности инфинитивного наклонения глагола, о циклах, образованных глаголом, стоящим в настоящем времени (см. более подробно [2, с. 244]).

Но если *смысл можно рассматривать как элементарный цикл*, тогда к смыслам могут быть применимы общие выводы Тома и Кауфмана.

Представления о *положительных* и *отрицательных* циклах, примененные по отношению к смыслам, дают возможность выделить две группы смыслов: к *первой* следует отнести смыслы, *усиливающиеся* при циркуляции в культурном континууме, ко *второй* – смыслы, *появляющиеся для того, чтобы потом исчезнуть*, в силу того, что они не привлекают к себе достаточного внимания. Первая группа смыслов образует (по аналогии с идеями, развиваемыми Р. Тома и М. Кауфманом) положительные циклы, количество которых и определяет количество стационарных состояний, в которых может находиться система. Такими стационарными состояниями можно считать те *значения*, которые оказываются культурно принятыми. При этом следует уточнить содержание термина *значение*.

Значения это – общепринятые смыслы, четко зафиксированные в рамках конкретных языков или иначе – это смыслы (по терминологии В. В. Налимова), обладающие большей плотностью вероятности обнаружения в культурных континуумах (более подробно авторское толкование терминов *значение* и *смысл* представлено в готовящейся к печати публикации по проблеме смысла).

Если рассматривать *значения* в качестве набора стационарных состояний, в которых может находиться система, то для увеличения количества этих состояний необходимо увеличить количество циркулирующих смыслов (положительных смысловых циклов).

Увеличение смыслового разнообразия является только одной стороной более широкого процесса, включающего механизмы подавления смыслов. В целом же человечество можно рассматривать как саморегулирующуюся систему. Один из аспектов этой саморегуляции связан с регуляцией количества смыслов, циркулирующих в социуме.

В культуре необходимо должны существовать механизмы как *стимулирующие*, так и *подавляющие* процессы образования новых смыслов. Изучению этих механизмов – *смыслоусиления* и *смыслоподавления* можно посвятить специальное исследование, в которое войдет более последовательное обсуждение особенностей техногенной цивилизации, продуцирующей штампы, позволяющие ограничить лавинообразное появление но-

вых смыслов, генерируемых в рамках постмодернистской культуры.

Однако уже сейчас важно отметить то, что на все феномены, призванные выполнять смыслоподавляющую функцию, необходимо посмотреть с другой стороны, признавая их *безусловную* культурную ценность. Вероятно, использование этой новой точки зрения в исследованиях позволит не только обнаружить более тонкие механизмы, приводящие к стимуляции или подавлению новых смыслов, но и подойти к исследованию вопроса о том, чем определяется максимально возможное количество смыслов, циркулирующих в системе.

Главным же выводом из сказанного можно считать необходимость признания факта существования в культуре механизмов как *сдерживающих*, так и *стимулирующих* развитие культурных смыслов, и определить *техногенную цивилизацию* и *постмодерн* в качестве двух сфер пребывания этих механизмов, в своем взаимодополнении обеспечивающих определенную культурную стабильность.

Источники и литература

1. Богатая Л.Н. Конец постмодернизма? // Наукове пізнання: методологія та технологія. – Одеса, 2004. – Вип.1. – С.17–25.
2. Бодриар Ж. Симулякри і симуляція / Пер. з фр. В. Ховхун. – К.: Вид-во Соломії Павличко „Основи”, 2004. – 230 с.
3. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
5. Тома Р., Кауфман М. Возникновение сложного поведения из простых циклов // Человек перед лицом неопределенности: Сборник / Общ. ред. И. Пригожина. – Москва – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. – С. 82–92.

Бондар Т.О.

ТРАНСФОРМАЦІЯ УТОПІЧНОЇ СВІДОМОСТІ В УМОВАХ ПОСТІНДУСТРІАЛЬНОГО СУСПІЛЬСТВА

Крах утопічних систем у ХХ столітті і негативний досвід тоталітаризму, здавалося б, надовго мав застрахувати людство від захоплення утопізмом і бажання повторити подібні соціальні експерименти. Втім, як вдало зауважила в одній із праць сучасна російська дослідниця утопії О. Л. Черткова, риси утопічної свідомості виявляються, на жаль, „набагато живучішими, ніж конкретні утопічні проекти” [14, с. 179]. З неймовірною швидкістю реанімуючись та видозмінюючись, утопічна свідомість продовжує завойовувати все нові території. Саме ця видозмінюваність і викликає найбільше занепокоєння: утопічна свідомість перестає бути просто *утопічною свідомістю*, її межі розмиваються, вона трансформується і набуває нових незвичних і не впізнаваних з першого погляду форм.

Така „невпізнанність” нового трансформованого утопізму часто загрожує втратою критичності у його сприйнятті, а отже, автоматично збільшує потенціальну кількість його можливих жертв. А різнобій у новітніх наукових теоріях, відсутність достатньо глибоких досліджень саме сучасного етапу розвитку утопічної свідомості, робить звернення до цієї теми надзвичайно важливим. У цій статті ми маємо намір розглянути не лише феномен трансформації утопічної свідомості в умовах постіндустріального суспільства, а й трансгуманізм як таку з її форм, що найбільш яскраво, на нашу думку, характеризує загальну тенденцію.

Відразу визначимось із термінами. Оскільки в сучасній літературі одночасно існує кілька різних термінів на позначення процесу змін в утопічній свідомості, і в наукових статтях вони часто вживаються як синонімічні – трансформація/еволюція/метаморфози утопічної свідомості – вважаємо за потрібне внести необхідні розмежування:

1) **Еволюція** („розгортання”, безперервна поступова кількісна зміна) утопічної свідомості пов’язана зі зміною її протягом часу, що відображається за допомогою *періодизації* (виділення певних етапів у її розвитку). Саме такий підхід при аналізі утопічної свідомості як історичної категорії і соціологічного явища використав свого часу відомий німецький соціолог К. Мангейм, виокремивши такі стадії (форми) розвитку утопічної думки як а) оргіастичний хлізм анабаптистів; б) ліберально-гуманістичну ідею; в) консервативну ідею; г) соціалістично-комуністичну утопію [8].

2) **Метаморфози** (перетворення однієї форми в іншу) утопічної свідомості – відображення розвитку утопічної свідомості як руху від „утопії” до „утопізму”. Саме в такому аспекті утопічна свідомість досліджується російськими науковцями В. Д. Бакуловим [1] і О. Л. Чертковою [12, 13]. Основним критерієм розмежування *утопії* (як ідеї чи опису ідеальної держави, що покликана бути взірцем суспільного устрою) й *утопізму* (як виду ідеології, способу світосприйняття, що орієнтується на втілення цього взірця в реальності), на думку О. Л. Черткової, є суттєва зміна статусу і ролі соціального ідеалу, поступове розмиття метафізичної межі між двома світами (ідеальним і реальним) аж до повного її зникнення. Так, онтологічний дуалізм (протиставлення реального світу і світу ідей) платонівської утопії в «Утопії» Т. Мора змінюється вже дуалізмом ціннісним, два плани буття – метафізичний і фізичний – зміщуються. Ідеальний світ у Платона – це іманентний світ ідей, у Мора – це реальна держава, побудована „у відповідності з ідеалом, хоча і значно віддалена від автора і читачів” [12, с. 48–55].

3) **Трансформація** (зміна, перетворення виду, форми чого-небудь) – відображає зміну істотних властивостей утопічної свідомості залежно від зміни суспільної свідомості взагалі і типу раціональності зокрема. Так, наприклад, поділ утопій на *докласичні*, *класичні*, *посткласичні* (див.: М. А. К’ярова [7], Т. С. Паніотова,